

2. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ. СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК (ГАЗЕТА).

1877, № 55, 24.06., стр. 3; № 62, 01.07., стр. 3; № 65, 04.07., стр. 2; № 67, 06.07., стр. 2-3; № 81, 20.07., стр. 2; № 85, 24.07., стр. 4; № 86, 25.07., стр. 2; № 88, 27.07., стр. 2; № 101, 09.08., стр. 3; № 102, 10.08., стр. 2-3; № 106, 14.08., стр. 3; № 116, 24.08., стр. 2-3; № 117, 25.08., стр. 3; № 120, 28.08., стр. 3; № 129, 07.09., стр. 3; № 130, 08.09., стр. 2; № 141, 19.09., стр. 2; № 148, 26.09., стр. 2; № 149, 27.09., стр. 2; № 150, 28.09., стр. 3.

СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК 1.³⁷

24.06.1877. №55. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОЙНЫ³⁸

1. РУССКИЕ

Александрия, 13-го июня (Корреспонденция «Северного Вестника»). Я выехал из Букарешта в составе легучего санитарного отряда Красного Креста, который предназначается на перевязочный пункт к месту переправы. Отряд составляют 7 врачей, 25 студентов и 44 санитаров; сюда же вошел и персонал санитарного отряда Рыжова. Кроме того, к этому отряду должны принадлежать 17 сестер милосердия с докторшей Зибольд, которые выезжают из Букарешта несколько позже нас. Вместе с носильщиками и служителями всех лиц, составляющих отряд, более ста человек. Весь отряд находится под ведением главного хирурга

³⁷ Редактором газеты «Северный Вестник» был В.Ф. Корш (1828-1883) с 1877 по 1878 гг. – известный отечественный публицист, до этого в течение 12 лет он был редактором газеты «СПб Ведомости». Газета «Северный Вестник» просуществовала не более года и была запрещена в 1878 г. за публикацию письма В. Засулич, оправданной судом присяжных (Энцикл. под ред. С.Н. Южакова, СПб., 1903, Т.11, С. 383-384)

³⁸ Война начала Россией для укрепления своего влияния на Балканах в условиях обострения международных противоречий на Ближнем Востоке. Способствовала национально-освободительному движению против турецкого владычества (с мая 1877 г. на стороне России выступила Румыния, а позже Сербия и Черногория). Велась на Балканах русской Дунайской армией (185 тыс. человек), в которую вошло и болгарское ополчение (до 7,5 тыс. человек) против 206-тыс. турецкой армии и на Кавказе русской кавказской армией (75 тыс. человек) против турецкой Анатолийской армии (65-75 тыс. человек). На балканском театре военных действий после переправы через Дунай у Зимницы русские войска овладели крепостями Ловча и, после длительной осады, Плевна и, заняв Шипкинский перевал, отразили контрнаступление турецкой армии. На Кавказе русские войска заняли крепости Баязид и Ардаган, в Авлияр-Аладжинском сражении 1877 г. нанесли поражение турецкой Анатолийской армии и овладели крепостью Карс. К 1878 г. соотношение сил на Балканах изменилось в пользу России, в войну вступила Сербия. Дунайская армия нанесла поражение турецкой армии при переходе через Балканы зимой 1877/1878 гг., в сражениях у Шейново, Филиппополя и Адрианополя и в феврале 1878 вышла к Босфору и Стамбулу. На Кавказе русская армия овладела Батумом и блокировала Эрзурум. Война закончилась Сан – Стефанским мирным договором (пересмотрен Берлинским конгрессом 1878 г.). Русско-турецкая война 1878 г. способствовала освобождению балканских народов от османского ига, обеспечила Румынии, Сербии и Черногории национальную независимость, а Болгарии – возможность создать национальное государство.

Ринико³⁹. Нас сопровождают уполномоченные от Общества красного Креста, князь Черкасский⁴⁰, князь Долгорукий⁴¹, граф Толстой, Голенищев-Кутузов⁴² и Писарев. Князь Черкасский, как известно, назначается управителем Болгарии после занятия последней русскими войсками. Его роль в Болгарии должна состоять в том, чтобы дать болгарам систему самоуправления и поставить этот народ на ноги для самостоятельного развития. Князь невысокого роста, седой, выглядит из себя лет 60, держит себя очень просто. Герой шестидесятих годов в крестьянской реформе, он, несомненно, исполнит свою культурную миссию наилучшим образом. Он сопровождает теперь наш отряд с тем, чтобы после переправы русских за Дунай тотчас приступить к своему назначению. Все болгары теперь уже знают о такой миссии князя Черкасского и весьма интересуются получить о нем какие-либо сведения. По дороге, во время наших стоянок в деревнях, к нам иногда подходили по несколько болгар, выслывшихся из своей страны во время турецкого террора, и спрашивают о князе. Они называют Черкасского своим отцом и благодетелем, и ждут – не дождутся его прибытия в их родину. Мы выехали из Букарешта рано утром целым обозом в 13 повозок.

Чувство томительного ожидания, которое отравляло дни нашего пребывания в Букареште, сменилось каким-то тихим восторгом (который, если не высказывался на словах, то каждым испытывается), когда длинная вереница обоза медленно двинулась по дороге к Александрии. Утро было ясное; солнце едва только поднялось на горизонте; в атмосфере температура умеренная; – все это вместе с бодростью отправляющихся составляло прелесть минуты. Местность кругом Букарешта представляет равнину, покрытую густой зеленью, так что куполы городских церквей долго еще не могли скрыться из наших глаз. Но вскоре с прекрасного шоссе мы повернули на проселочную дорогу, и местность начала разнообразиться. Дубовые и кленовые леса, разбросанные по холмам, и горные речки, с шумом протекающие по оврагам, иногда рисуют самые живописные пейзажи. Но сами проселочные дороги убийственны. По ним встречаются иногда такие пни, что езда невозможна без вылазки всех пассажиров, ямы и овраги просто страшны; мосты из легких жердей, перекинутые через речки, сделаны на живую руку, дрожат под телегой и грозят обвалиться вместе с нею. Такие дороги трудно найти и у нас в России. Ночью по здешним дорогам проезд совершенно немислим, вот почему наш обоз двигался очень медленно. В некоторых местах приходилось своими силами помогать лошадям выбраться из ямы, или проводить осторожно повозку за повозкой по пням и буеракам, неожиданно встречающимся по дороге;

³⁹ Ринико Александр Христианович (1837-?) – выпускник СПб. МХА (1864), доктор медицины (1867). В 1878 г. избран профессором госпитальной клиники и оперативной хирургии киевского университета.

⁴⁰ Черкасский Владимир Алексеевич (1824-1878) – князь, российский государственный деятель, публицист, славянофил. С 1877 г. руководил устройством гражданского управления в Болгарии.

⁴¹ Долгоруков Владимир Андреевич (1810-1891) – князь, генерал от кавалерии (1867), генерал-адъютант (1855). С 1865 по 1891 гг. – Московский генерал – губернатор. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. при активном содействии князя Долгорукова в Москве и Московской губернии было организовано около 20 комитетов Общества Красного Креста, собрано около 1,5 млн. рублей пожертвований в пользу Общества, свыше 2,2 млн. рублей для приобретения судов Добровольного флота, устроен госпиталь на 2400 коек, снаряжены 2 санитарных поезда, которые перевезли свыше 12,5 тыс. больных и раненых. (В. Федорченко // Императорский Дом, Красноярск-М., 2000. – С. 403 – 404).

⁴² Вероятно, речь идет о Голенищеве-Кутузове Арсении Аркадьевиче (1848-1913) – графе, обер-гофмейстере. В 1877-1879 гг. он был уездным предводителем дворянства в Тверской губернии.

наконец, не один раз приходилось останавливаться из-за различных поломок. К ночи и во время дневной жары мы делали привал в деревне, где-нибудь под тенью деревьев, и располагались походным образом с закуской и чаем. Надо сказать, что все румынские деревни очень красивы. Они состоят обыкновенно из белых глиняных мазанок с тростниковой крышей, на которой приютилось семейство аистов. Эти мазанки, хотя располагаются неправильно и сами по себе не составляют особенно приятного вида, но всегда густо обсажены фруктовыми деревьями (вишнями, сливами, яблонями и тутовыми деревьями), что придает всей деревне необыкновенно красивый вид. Невдалеке от деревни протекает речка по берегам, обросшим лесами; а по тучным лугам ходят стада быков, буйволов и баранов, свидетельствующие о зажиточности их хозяев. Деревенские мазанки не высоки (часто вход в них спускается как в подземелье) с небольшими, двумя или тремя косячетыми окошками. Пол внутри мазанок заменяет земля; вместо стульев и лавок кругом стен расположены нары. В этих мазанках румыны скрываются только от дневной жары и во время ночи, остальное время дня они проводят на вольном воздухе. Сами румыны народ очень любезный и приветливый. Когда мы вошли в одну из таких мазанок, нас очень любезно приняла хозяйка, хотя незнание языка не позволило ей высказать на словах свое приветствие. Она с удовольствием показывала нам свою работу по шелководству и когда увидела, что мы этим интересуемся, позволила взять несколько коконов для себя. Занятие шелководством в этих местах очень распространено между румынами и совершается обыкновенно домашним образом. Шелковичных бабочек румынка располагает на влажном полотне около печки, где они кладут яички. Когда выйдут из последних черви, румынка несет их на тутовое дерево, где они вырастают и свивают свои коконы. Затем порядок обработки коконов обыкновенный. Пряжа идет на продажу в ближайшие города.

Румыны одеваются очень просто и опрятно. Костюм мужчин состоит из холщовой рубашки, которая спускается до колен; рубашку обтягивает широкий кушак, на голове круглая барашковая шапочка, а ноги обучаются в кожаные башмаки – вот и весь летний костюм румына. Костюм румынок почти тот же, только сорочка гораздо длиннее и от пояса спускается передник. Напротив, праздничный костюм румынок очень красив и оригинален. Он состоит из белой сорочки и такой же юбочки, красиво вышитых разноцветными шерстями, а на груди свешиваются бусы или серебряные деньги, нанизанные на нитку. Проезжая по румынской деревне в воскресенье, мы долго любовались этими красивыми нарядами румынок, которые играли в это время хоровод. К сожалению, мы не могли видеть их танцев, так как около этого времени мы были извещены, что русские уже перешли Дунай около Галаца, и нам нужно было торопиться к месту назначения, так как переправа и в других пунктах Дуная не заставит себя ждать.

Мы прибыли в Александрию утром, 13-го июня. Город расположен в ложбине между невысокими холмами. Около него на громадном протяжении располагаются полковые обозы; но войска уже вышли из этой местности. Мы застали здесь только один артиллерийский полк, который должен двинуться сегодня же. Здесь мы узнали, что вчера, 12-го, происходила сильная канонада из русских батарей в Журжево. Турки со своей стороны отвечали; но результат бомбардировки неизвестен. Я хотел известить вас об этом телеграммой, но оказывается, что здесь в Александрии телеграф так завален официальными депешами, что частные русские депеши совершенно не принимаются. Говорят, что и румынские депеши отправляются отсюда с большим трудом.

САНИТАР.

P.S. Главная квартира переносится не в Александрию, а в местечко Драчу, к юго-западу от Александрии.

01.07.1877. №62. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОИНЫ

1. РУССКИЕ:

Зимница, 17 июня. (Корреспонденция «Северного Вестника»). Я извещал вас, каким образом доехали мы до Александрии. 14 июня наш отряд получил инструкцию отправиться в Пиатру, где мы должны были получить новое назначение. Замечательно, что почти до последней минуты не могли знать, куда мы отправляемся, так как все передвижения действующей армии совершались под строгим секретом; мы были только извещены, что наш отряд должен будет действовать при переправе. Маршрут мы получали от пункта до пункта: из Александрии мы были направлены в Пиатру, из Пиатры получили назначение в Сухой, и только в Сухое узнали, что отправляемся в Зимницу. В Пиатре мы должны были ночевать в ожидании дальнейшего назначения. Всю ночь (с 14 на 15) слышалась сильная канонада со стороны Никополя. Удары были так сильны и часты, что мы, утомленные продолжительной ездой, долго не могли заснуть; только к утру канонада на некоторое время затихла с тем, чтобы вскоре возобновиться с еще большею силою. Говорят, что в эту ночь в Турну был открыт сильный огонь со всех русских батарей. Турки надеялись, что русские здесь начнут переправу, собрали сюда на этот случай массу войск и отвечали русским страшной бомбардировкой. Рано утром, когда мы выехали из Пиатры, канонада со стороны Никополя все еще продолжалась с такой же силой, но в это время мы уже слышали первые пушечные удары со стороны Систова. Утро было тихое, погода стояла ясная и канонада на заре раздавалась сильными ударами, когда мы подъезжали к Сухой. Отсюда уже ясно видно Систово. Весь противоположный турецкий берег выступал перед нашими глазами высоким хребтом, по крутым скатам которого у самого подножья красиво разбросан город. Куполы минаретов ярко блистали на солнце. В нескольких местах из города дым высоко поднимался клубами, по всей вероятности от пожаров, произведенных русскими бомбами. В это время из Систова действовало только одно орудие и выстрелы были не часты, между тем как со стороны русских батарей слышался удар за ударом непрерывно. Неподалеку от Сухой к нам прискакал казак с извещением, чтобы мы торопились, так как переправа давно уже начата и получены первые раненые. Мы должны были двинуться на рысях и только около 11 часов утра мы могли достигнуть Зимницы. Зимница расположена на слегка возвышенном ровном берегу, который спускается к Дунаю невысоким, но крутым скатом. В этом месте Дунай делится на два рукава, которые образуют прямо против города низменный остров, остававшийся во время разлива под водою. В настоящее время этот остров не вполне еще обсох, так что во многих местах он покрыт еще болотами. Благодаря этому острову, Дунай здесь значительно суживается (рукав, прилежащий к турецкому берегу, имеет 730 сажен ширины), между тем как прямо против Систова, расположенного несколько выше Зимницы, ширина Дуная достигает двух верст.

Весь турецкий берег против Зимницы высокий нагорный и господствует над нашим. Он спускается к Дунаю страшными обрывами и крутизнами, которые поперек пересекаются глубокими оврагами и ущельями; все скаты этого берега покрыты пролесками из фруктовых деревьев, а ямы и овраги обросли густым кустарником. Турецкий лагерь был расположен на самых высотах и скрыт за

холмами верст на 7 ниже по течению Систовы и в расстоянии 6 верст от нашей стороны. Высоты над Систовым были также укреплены турками. В самом городе находилась турецкая батарея.

Такие природные условия дают все преимущества обороняющемуся неприятелю и, при мало-мальски осмысленной тактике со стороны турок, никакая армия в мире не смогла бы взять эти неприступные высоты. Несмотря на это, переправа началась в ночь с 14 на 15 июня. Русские, прежде всего, вечером устроили незаметно от неприятеля понтонный мост на острове, заняли весь остров войсками и затем через другой рукав Дуная приступлено было к переправе на лодках. В распоряжении русских находилось около 60 понтонных лодок. Переправу начала 14-я дивизия. На первых лодках были отправлены 300 пластунов и часть волынского полка. Пластуны должны были перерезать часовых и сломать проволоки, между тем как на волынцев была возложена обязанность очистить часть берега и сделать удобную пристань для переправы следующих войск. Этот первый десант был сделан незаметно от неприятеля; турецкие часовые, говорят, в то время спали. Но когда русские уже высадились на берег и работа началась, один из турецких караульных успел взобраться на горы и известить конный караул об опасности. Весть немедленно была доставлена в лагерь, и турки быстро рассеялись по всему берегу, заняли все овраги и ущелья и укрепились за шанцами, так что второй рейс со стороны турок был уже встречен страшным огнем. Турки, скрывшись за кустами, с крутого берега стреляли прямо в понтоны и нанесли нашим большой ущерб. Говорят, что несколько несчастных понтонов, которых снесло течением, нагнулись на целый неприятельский батальон и были почти все перебиты, так что к берегу пристали одни трупы. Несмотря на такой страшный огонь, открытый по второму рейсу, наши смело вскарабкались на берег и встретились неприятеля лицом к лицу. Обе стороны схватились на ура. Русские ударили в штыки, так как неприятель скрылся за прикрытиями и в шанцах, откуда открыл убийственный огонь по нашим. Нужно было его во что бы то ни стало выбить из этих прикрытий. Произошло страшное дело.

Турки защищались отчаянно, но к нашим вовремя подоспело подкрепление 136 гвардейцами и частью минского полка. Последние снова ударили в штыки и с криком ура бросились на неприятеля; турки не выдержали и отступили на высоты за новые шанцы, откуда их пришлось выбивать с такими же усилиями. Но первое дело было уже сделано: русские очистили берег и дали возможность следующим войскам переправляться с меньшею безопасностью. Между тем все это время непрерывно совершалась переправа и русские получали постоянные подкрепления свежими силами. Переправой командовал генерал Драгомиров⁴³. Человек с большими знаниями, бывший профессор академии генерального штаба, он оправдал на деле ожидания своих сослуживцев. Под его командой переправа во время самого жаркого дела совершалась в полном порядке. Он сам переправился с третьим эшелоном на турецкий берег и все время был героем дня. Переправа, как сказано, после взятия первых береговых турецких шанцев, начала

⁴³ Драгомиров Михаил Иванович (1830-1905) генерал от инфантерии с 1891 г., генерал-адъютант с 1878 г. В ходе русско-турецкой войны отличился при форсировании р. Дунай у Зимницы (июнь 1877 г.), участник обороны Шипки (август 1877 г.). Был тяжело ранен в ногу, но продолжал командовать войсками, самостоятельно перевязав рану носовым платком, до тех пор, пока не потерял сознание от потери крови. Обладал разносторонними интересами и начитанностью во всех областях знаний, что позволило ему опубликовать не только труды по военной специальности, но и «Разбор романа «Война и мир» Л.Н. Толстого» с военной точки зрения.

совершаться с меньшею безопасностью. Но к утру, часам к 3-м, когда немного рассвело, послышались первые пушечные удары, направленные против наших понтонов из батареи в Систове и из неприятельского лагеря на высотах. Вся дальнейшая переправа должна была совершаться под страшной бомбардировкой. Гранаты сыпались то вправо, то влево от наших понтонов. Одна из них ударила прямо в навес понтона с двумя горными орудиями. От удара стоявшие в понтоне артиллерийские лошади шарахнулись в сторону и опрокинули понтон. Оба орудия вместе со всеми людьми и батарейным командиром Стрельбицким, погибли; спаслось только два офицера. Это единственный крупный вред, который сделала турецкая батарея. Надо вам сказать, что турки из пушек стреляют очень метко, так что пускают по несколько гранат в одно место; но они, говорят, не так удачно владеют переводами орудия с одного направления на другое, что весьма облегчало нашу переправу. Достаточно было приноровиться обходить те места, в которые сыпались турецкие снаряды, чтобы быть уверенным, что следующий снаряд упадет в то же место, не причинив нашим понтонам никакого вреда. Этим только и можно объяснить наш незначительный урон во время переправы в сравнении с тем, что мы могли бы понести при такой страшной бомбардировке. Но, как бы то ни было, переправа при таком незначительном количестве лодок, которыми мы владели, не могла совершаться быстро, что ставило в опасность войска, расположенные на острове и готовящиеся к переправе, так как турецкие снаряды весьма легко достигали нашего берега. Но около 7 часов утра подоспел к переправе пароход «Анета». Этот пароход, говорят, переделан из бывшего турецкого, который был случайно потоплен месяца три тому назад при столкновении с австрийским пароходом. Русские потом его подняли и в настоящее время воспользовались для переправы. Пароход «Анета» пришел сверху и прошел мимо Систова без флага, вследствие чего турки не сочли нужным его обстреливать. Затем для безопасности он прошел по ближайшему к Зимнице рукаву, обогнул весь остров, и когда подошел к месту переправы, поднял русский флаг. Тогда только турки опомнились и начали целить в него своими снарядами, но безуспешно. С пароходом переправа пошла быстрее, что было весьма важно, так как русские, имея пред собой неприятеля с численным превосходством и в самых лучших позициях, постоянно нуждались в подкреплениях. Малейшее промедление могла погубить все дело.

Со взятием первых береговых позиций трудности дела для русских не уменьшились. Нашим солдатам приходилось лезть буквально на стены. Один солдат поднимал другого на руках с тем, чтобы тот сверху подал ему ружье и при помощи последнего дал ему возможность вскарабкаться на обрыв за своим товарищем. А в это время турки, рассеянные за кустами, осыпали наших градом пуль. Весь лес был покрыт густым ружейным дымом, когда русские по трупам своих товарищей поднимались на горы. Наконец к 9 часам утра левый фланг русских взобрался на высоты и занял неприятельский лагерь. Турки оставили на месте свои орудия и бежали в страшном беспорядке. Между тем правый фланг русских к 12 часам успел занять высоты, господствовавшие над Систовой, и прогнать турок. Бежавшие турки по пути начали резать несчастных болгар. Русские преследовали турок на далекое пространство. К вечеру наши войска вступили в Систово. Батарея в городе, которая так сильно повредила нам во время переправы, была сбита гораздо раньше. Против нее с нашей стороны на острове была выставлена батарея из 7 орудий. К 5 часам утра неприятельская батарея начала уже стихать. Выстрелы из нее стали слышаться реже; а когда мы прибыли сюда около 11 часов,

мы слышали еще 3 или 4 выстрела. Затем после удачного выстрела с нашей стороны на месте неприятельской батарее поднялся клубами кверху дым, и канонада с турецкой стороны окончательно замолкла. Отступивший неприятель дал сигналы по всему берегу о своем поражении. Русские вследствие этого ожидали, в случае прибытия к туркам подкрепления, нового нападения со стороны последних или прибытия мониторов. Действительно, на следующее утро из Рущука прибыл сюда турецкий монитор. Против него сейчас же расположена была батарея и направлена миноносная лодка. Увидав последнюю, монитор почувствовал себя слабым, быстро повернулся и ушел обратно на всех парах. Систово русские заняли без выстрела, так как перед занятием города все турки бежали из него, захвативши с собой все ценное из имущества. Для русских они оставили только много вина и табаку. Болгары встретили русских весьма радушно, с хлебом-солью. Все они в отличие от турок нашли на своих рукавах белые кресты. Русским войскам было строго запрещено проникать в болгарские дома, и действительно, благодаря дисциплине наших войск, собственность болгар осталась в полной безопасности.

Все наши потери во время этого дня до сих пор не могут быть приведены в известность. До настоящего времени через все наши перевязочные пункты прошло 436 раненых; убитых можно полагать приблизительно около 300. Потери со стороны турок определить невозможно; но, как передают пленные турки, они должны быть громадны и ни в каком случае не меньше русских. С нашей стороны особенно пострадали и отличились вольнский и минский полки и гвардейцы. Из числа всех 120 действовавших гвардейцев потеряно 36 человек убитыми и ранеными. Эти гвардейцы, как сказано, переправились с 3 эшелонами и участвовали в самом горячем деле. Об их действиях отзываются с большой похвалой и армейцы. Но, как передают офицеры, гвардейская форма была не совсем знакома для нашей армии. Так, рассказывают, однажды наши приняли гвардейцев за неприятеля и нацелили на них ружьями. Тогда произошла трогательная сцена: все гвардия перекрестилась перед своими, командующие офицеры начали махать платками, так что у русских, принявших гвардейцев за своих врагов, невольно опустились ружья. До чего доходило остервенение во время жаркого боя с обеих сторон, могут указать следующие факты. Около 50 турок спрятались от наших штыков в один дом и заперлись там. Русские требовали их сдачи; но турки наотрез отказались, тогда наши подожгли дом и все находившиеся в доме турки погибли в огне. Они предпочли сожжение русскому плену. Сами турки приходили по нескольку раз, чтобы добывать раненых русских, вследствие чего на трупах наших встречаются по десяти ран и более. В нашем госпитале в настоящее время лежит один раненый солдат Александр Рак минского полка, 2 стрелковой роты, который рассказывает, что после ранения ему долгое время приходилось лежать под трупами своих товарищей. Он видел, как турки дважды приходили к ним, обирали наших раненых и докалывали их штыками. Сам он вместе с тремя своими товарищами спаслись тем, что притворились мертвыми. Было много случаев, что раненый турок просит русского о помощи, и когда русский к нему подходит для помощи, турок выхватывает кинжал из ножен и закалывает русского на месте. Таким образом, один из раненых турок убил на нашем перевязочном пункте фельдшера, подошедшего к нему для перевязки.

В храбрости туркам отказать никак нельзя. Вообще они дрались очень хорошо, как отзываются сами русские раненые и наши офицеры, и только благодаря бессмысленной тактике своих командующих и отчаянной стойкости наших, они

весьма скоро уступили свои неприступные позиции русским. Рассказывают случаем, доказывающий невероятное бесстрашие турок. К вечеру, когда все турецкие позиции были взяты и берег очищен от неприятеля на большое пространство, несколько сотен русских расположились для отдыха на пригорке в лесу. Вдруг раздается выстрел, затем другой и третий. Оказалось, что это один турок осмелился напасть на целый лагерь наших войск. Услышавши выстрелы, наши всполошились и быстро рассеялись со штыками по всему лесу; но все усилия поймать храбреца были напрасны.

Все турки обмундированы и вооружены превосходно. У них находили отличные английские ружья снайдеровской системы и иногда по 200 патронов. Вообще все, что говорили и писали о турецкой армии, наполненной оборванцами, можно считать чистой ложью. В настоящее время турецкий берег занят нашими на протяжении более 20 верст. Турки ушли далеко; но, говорят, из Рущука и Никополя сюда собираются турецкие войска.

PS. Об устройстве здешних госпиталей и вообще о медицинской помощи во время сражения напишу вам в следующем письме. САНИТАР.

04.07.1877. №65. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОИНЫ.

1. РУССКИЕ:

Зимница, 21-го июня. (Корреспонденция «Северного Вестника»). Вся организация медицинской помощи во время сражения под Систовом состояла из одного дивизионного лазарета на 200 больных, находящегося в Зимнице, перевязочного пункта и госпиталя (Рыжова), который временно исполнял роль перевязочного же пункта. Но собственно здесь в Зимнице предполагалось оставлять только наиболее тяжело раненых, которые не могли бы вынести никакой перевозки; всех же остальных решено было немедленно транспортировать в постоянные военные госпитали и преимущественно в Пиатринский госпиталь, находящийся в 24 верстах отсюда. Этот последний занимает одно громадное здание, два сарая и 20 киргизских кибиток; он в состоянии вмещать 600 больных и в настоящее время находится под ведением хирурга (профессора дерптского университета) Бергмана⁴⁴. Этот госпиталь устроен, можно сказать, во всех отношениях образцовым образом; но более всего обращают на себя внимание киргизские кибитки, рекомендованные доктором Приселковым для военно-передвижных госпиталей, которым по всей вероятности суждено играть, как нынче, так и впоследствии, видную роль в устройстве военно-медицинской помощи. Каждая киргизская юрта состоит из складной решетки, со спицами толщиной в палец, которая может быть легко разложена и поставлена на землю в форме круга, оставляя свободное место для дверей. Эта решетка составляет стены юрты и укрепляется тремя шестами. На решетку ставится в форме свода съемная круглая крыша (составленная из отдельных спиц), в центре которой находится окно, так что спицы крыши с одной стороны упираются в решетчатую стену, а с другой – в деревянное кольцо,

⁴⁴ Бергман Эрнст (1836 г., Курляндия – ?) знаменитый хирург и клиницист. Изучал медицину в Дерпте, Вене, Берлине. В 1860 г. был назначен в Юрьеве ассистентом хирургической клиники и вскоре защитил докторскую диссертацию. Во время германской войны 1866 г. заведовал лазаретом в Кенигингофе в Богемии, в Мангейме и Карлсруэ. С 1871 г. – профессор кафедры хирургии Дерптского университета. В 1877 г. был консультантом русской армии на Дунае. После войны работал в Вюрцбурге, а с 1882 г. – профессор хирургии Берлинского университета. С открытием вакансии в ИВМА Конференция академии единогласным решением предложила занять кафедру хирургии, но он отказался. (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, М., 1992 – Т.2. – с. 115.)

образующее окно для вентиляции. Затем все это обтягивается войлоком; окно же сверху юрты покрывается особым куском войлока, который для открытия окна легко может быть откинут при помощи веревки. Кругом юрты вырывается канава для стока дождевой воды. Такая юрта может вместить от 6 до 8 больных. Она удобна во-первых тем, что может быть всегда хорошо вентилируема: войлок, обтягивающий стены, можно не спускать до земли, и тогда чистый воздух будет свободно проходить через юрту в достаточном количестве; во-вторых тем, что легко снимается и расстается; при хорошем навыке такую юрту можно расставить в полчаса, а сложить в несколько минут; в-третьих, к удобствам юрты принадлежит ее дешевизна: на месте она стоит 100 руб., с пересылкой от Оренбурга сюда 145 руб.; между тем как обыкновенная госпитальная палатка стоит не менее 350 руб. без пересылки. Наконец киргизскую палатку легко применить и к холодному времени года, если в середине ее поставить печку для отопления, чего с обыкновенной палаткой никак сделать нельзя. К неудобствам юрты относятся: во-первых, большая тяжесть ее в сравнении с палаткой (каждая юрта весит 26 пудов); во-вторых, отсутствие пола, что при закупорке юрты в холодное время года должно затруднять вентиляцию. Из этих неудобств второе, во всяком случае, легко устранимо, если настлат в юрте дощатый пол не менее как на четверть высотой от земли. Но неизвестно еще, насколько эти юрты будут удобны для заразительных форм болезней. Дело в том, что войлок способен впитывать в себя миазмы, а поэтому, в случае заразительной формы болезни, может заражать массы других больных. Может быть, это обстоятельство удастся устранить выщелачиванием и выпариванием войлока. Во всяком случае, из войлока легче изгнать заразу, чем из дерева, что дает большое преимущество юрте перед бараками. Все эти вопросы, касающиеся удобств и неудобств юрты, должны получить практическое разрешение при первом опыте в настоящую войну. Сколько мне известно, таких юрт привезено уже на место кампании 50, и 26 юрт находятся в дороге; но в случае оправдания возлагаемых на них надежд, их может быть привезено сколько угодно.

Кроме Пиатринского госпиталя, из таких же юрт устраивается передвижной госпиталь, назначенный для действия в Болгарии. Эти юрты у нас уже применялись в хивинскую кампанию, где в пустынных местностях они оказались незаменимыми; но из европейских войн они в первый раз здесь получают свое применение. Я думаю, что киргизские юрты составляют одно из удачнейших средств для устройства военных передвижных лазаретов.

Когда мы приехали сюда, в день самой переправы, в 11 часов утра, здешний дивизионный лазарет уже был переполнен ранеными и уже не было места для помещения больных; мы должны были поторопиться устройством своего госпиталя. Наскоро раскинув свою палатку на дворе одного из болгарских домов и вынув необходимые вещи и средства для лечения, мы отправились для получения раненых на перевязочный пункт, который был расположен на острове против Зимницы. На пути нам привелось видеть и самую переправу. Русские солдаты перед переправой сменяют свое платье на чистое и садятся в лодку с крестным знаменем. В это время начинает бить барабан, а громкая музыка веселого марша заглушает звуки убийственной канонады, и несколько десятков лодок разом отчаливают от берега. Впрочем, в то время, когда мы проезжали, переправа не представляла уже много опасностей, так как турки были отбиты от берега, и бомбардировка начала затихать. Перевязочный пункт расположен невдалеке от переправы под прикрытием леса. Говорили, что его пришлось передвигать

с места на место, так как турки несколько раз пытались обстреливать Красный Крест, так что все перевязки делались под перекрестным огнем. Наконец, принуждены были снять флаг с красным крестом и перенести пункт в лес. Из персонала на перевязочном пункте были убиты осколком гранаты один фельдшер и несколько санитарных служителей.

Мы застали нескольких врачей, которые усердно накладывали перевязки раненым и вынимали пули. Больных сюда приносили санитарные роты с того берега на носилках. Собственно говоря, в то время перевязочный пункт уже был перенесен на турецкий берег, а здесь осталось только несколько врачей, чтобы перевязать и отправить последних больных. Мы уложили этих больных в свои фуры и отправили их в свой госпиталь. Наш госпиталь расположен невдалеке от берега Дуная, в саду одного из болгарских домов. В нашем обладании находятся один небольшой домик в четыре комнаты, одна палатка для больных и две небольшие палатки для персонала. Это, правда, еще не все помещение, которым мы можем располагать, так как на днях ожидаем прибытия еще палатки из Бухарешта. Всех больных в нашем госпитале в первое время находилось 19, не считая амбулаторных, из них в настоящее время осталось только 9, остальные все увезены. Из оставшихся трое ранены в руку с переломами и раздроблением костей, четверо в ногу, из которых трое с раздроблением бедренной кости, 1 в грудь и 1 в спину. Все раненые чувствуют себя хорошо и вид имеют бодрый, несмотря на то, что все повреждения принадлежат к числу тяжелых. Один из раненых, пластун Ларион Сухоносков, у которого пуля прошла около позвоночного столба и вероятно повредила последний, так как у него вся нижняя часть тела парализована, переносит свои ужасные страдания замечательно стойко. Он по временам смущается только тем, что не в состоянии управлять своими ногами; он не может дожидаться, когда он выздоровеет, чтобы снова отправиться в сражение, и весьма сожалеет о том, что к тому времени его полк уйдет уже далеко, так что, может быть, ему не придется встретиться в бою со своими товарищами. Вчера утром к нам привезли еще одного раненого героя Лопатина, из флотского гвардейского экипажа. Несчастный пролежал в продолжение 5 суток без всякой медицинской помощи и без всякой пищи. Его нашли случайно только 20 июня на одном из островов Дуная, в расстоянии трех верст отсюда, и привезли в лазарет 9 дивизии, откуда он был доставлен к нам. По его рассказу, он был ранен в левую руку во время самой переправы, когда греб веслами. В то же самое время и все находящиеся в понтоне были перебиты турками с берега, а сам понтон пошел ко дну. Из всех бывших в понтоне 50 человек спаслись только трое (остальные все погибли), в числе которых и наш Лопатин. Двое из раненых поплыли в направлении к нашему берегу и потом потерялись из виду, а сам Лопатин ухватился за весло и начал сбрасывать с себя верхнее платье; но в это время был ранен в другую руку, после чего не мог уже сопротивляться течению. Его принесло водой на остров, где он и находился все пять дней в ужасном состоянии. Все ночи по случаю холода он не мог спать и проводил их, сидя в воде, чтоб хоть сколько-нибудь омыть свои грязные раны, так как в них уже завелись черви; днем он немного засыпал. Все время он оставался голодным, так как пищи ему неоткуда было достать, и только может быть избыток воды спас его от голодной смерти. На него случайно наткнулись проходившие товарищи, которых он узнал и окликнул. Теперь положение его хотя и весьма опасно, но есть некоторая надежда на выздоровление. Оставаясь пять дней без пищи, он очень ослабел и исхудал, раны без медицинской помощи приняли дурной вид и началась сильная лихорадка. Вчера великий князь

Алексей Александрович⁴⁵, посетивший наш госпиталь, собственноручно надел ему георгиевский крест; это так ободрило Лопатина, что он выразил надежду еще бить турок после своего выздоровления.

Наш госпиталь несколько раз посещал Государь Император⁴⁶. Его Величество подходил к каждому больному, заботливо расспрашивал больных о здоровье, утешал и благодарил их.

Здесь военный госпиталь расположен в центре города на площади и состоит из десяти палаток, из которых каждая в состоянии вмещать до 20 раненых и более. Через этот госпиталь в первые дни прошло не менее 400 раненых. Когда я зашел туда в первый день, то застал там кипучую деятельность. Масса раненых лежала на носилках; несколько врачей, под руководством профессора Корженевского⁴⁷, были заняты перевязкой больных и выниманием пуль; сестры милосердия помогали врачам при перевязках, укладывали больных в постели, приносили им пить и пр.; сам профессор оперировал. Дух раненых и здесь также бодр, как и везде; стона нигде не слышно. Раны большею частью все тяжелые. Замечательно, что оказалось весьма мало больных с одной пулевой раной; почти все имеют по две, по три, по четыре и даже по девяти ран – доказательство, что наши солдаты дрались весьма упорно и не оставляли строя после получения первых ран. Вообще наши солдаты даже не понимают опасности огнестрельных ран, и достаточно раненому вынуть пулю, чтоб он считал себя совершенно здоровым. Так, один из раненых, которому доктор только что вынул пулю из мягких частей плеча, стал умолять меня, чтоб его сейчас же выписали из госпиталя и отправили обратно в полк. Весьма много ран в голову, в грудь и в верхние конечности. Большинство больных уже было перевезено в Пиатринский госпиталь, но сегодня еще приведено 30 больных, преимущественно с горячечными формами болезней, которых должны увезти сегодня же.

Подводя итог всей военно-медицинской помощи во время сражения под Систовом 15 июня, надо сказать, что она была организована в возможно лучшем виде и в достаточном количестве. Действовавшие перевязочные пункты и госпитали успели перевязать и оперировать почти всех раненых в первый же день, а те раненые, которые могли вынести перевозку, были немедленно отправляемы в постоянные госпитали. На другой и на третий день перевязывали только тех больных, которые не могли быть найдены в первый день на поле сражения.

САНИТАР.

⁴⁵ Алексей Александрович (1850-1908) – великий князь, четвертый сын имп. Александра II и имп. Марии Александровны. В июне 1877 г. произведен в контр-адмиралы с зачислением в Свиту Е.И.В. Участник Русско-Турецкой войны 1877-78 гг.: состоял начальником всех морских команд на Дунае; за успешную проводку понтонных мостов их Николаполя в Систово мимо неприятельских позиций и охрану переправы русских войск награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Георгия 4-ой степени.

⁴⁶ Александр II Николаевич (1818-1881) – император Всероссийский с 19.02.1855г.

⁴⁷ Корженевский Ипполит Осипович (1827-1879) – действительный статский советник (1878), доктор медицины (1853), профессор хирургической клиники императорской Медико-хирургической академии (1871). После окончания МХА в 1850 г. работал в Варшаве, в 1853 г. защитил докторскую диссертацию «Анатомия человеческого тела». Был врачом при канцелярии наместника царства Польского. До 1871 г. работал в Варшавском университете, затем на кафедре хирургической патологии и терапии в СПб. МХА. Участник Русско-Турецкой войны (1877-1878 гг.) – помощник Н.И. Пирогова, начальник медицинской части Рушукского отряда.

06.07.1877 №67. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОЙНЫ

1. РУССКИЕ:

Зимница, 23 июня. (Корреспонденция «Северного вестника»). Дня три тому назад здесь поставлен понтонный мост на ту сторону Дуная. Он переброшен через три острова, которые недавно показались против нашего города из воды, вследствие быстрого понижения уровня в Дунае, и в сложности имеет протяжения до трех верст. В настоящее время днем и ночью по мосту тянутся непрерывно бесконечными вереницами наши войска и полковые обозы, так что до сих пор сообщение с Систовым для частных лиц невозможно иначе, как при помощи лодок. Недавно я имел возможность посетить тот берег Дуная и Систово и воочию убедиться, что наши войска 15 июня сделали поистине один из невероятных в мире воинских подвигов. Можно с уверенностью сказать, что только впоследствии будут в состоянии оценить эту славную переправу. Недаром, говорят, Абдул-Керим-паша⁴⁸ смеясь выражался, что скорее у него на ладони вырастут волосы, чем русские перейдут Дунай у Систова, а когда турецкому главнокомандующему принесли известие о взятии нашими войсками Систова, он, говорят, пришел в такую ярость, что убил двух своих ординарцев. Весь турецкий берег Дуная, на всем протяжении против Зимницы, представляет отвесный обрыв. В этих местах наши войска по преимуществу и всходили на крутизну; но так как простыми лодками, при громадном их скоплении во время переправы, нельзя было хорошо управлять, то нашим солдатам приходилось слезать на берег там, где пришлось случайно высадиться. До сих пор на песке, по отвесным обрывам, остались, на удивление всех любопытствующих, следы наших солдат. Каким образом влезали они на эти стены, одному Богу известно; говорят, что в таких местах наши солдаты поднимали друг друга на веревках. Овладеть этим берегом было, несомненно, самым трудным и рискованным делом, так как турки с высот обрыва могли свободно стрелять в подъезжавшие понтоны и в высаживавшихся солдат почти в упор. Но, во всяком случае, после занятия берега оставалось еще немало дела при взятии турецких позиций, которые были укреплены природою наилучшим образом. Вся местность влево от места переправы, в направлении к неприятельскому лагерю, поднимается высокими, конусообразными холмами, покрытыми лесом и кустарником, в которых скрывались турки. Самый лагерь расположен на высоте 400 футов над Дунаем, и численность его определяют не менее, как в шесть таборов (около 5 000 человек). Между тем, вправо от места переправы, в направлении к Систову, наши должны были занять еще высоты, господствующие над городом, которые находятся приблизительно на такой же высоте, если не больше, как и неприятельский лагерь, и по своей крутизне еще более недоступны. Поистине надо удивляться, каким путем в продолжении нескольких часов нашим войскам удалось овладеть всей этой местностью. Здесь в главном штабе немало интересовались вопросом, почему, во время взятия нашими Систова, турки ниоткуда не получили подкрепления; но потом это более или менее объяснилось. Говорят, что отправленное сюда в день переправы подкрепление из Николаполя, состоявшее из всех трех родов оружия, встретило на пути 75 подвод с турецкими ранеными, которые передали турецким войскам о своих потерях и о взятии русскими всех позиций. Это известие так напугало вспомогательный турецкий отряд, что он тотчас повернул обратно.

⁴⁸ Абдул-Керим-паша (1807-1885) – турецкий генерал, учился в Вене, был военным министром и много сделал для реорганизации турецкой армии. В 1877 г. командовал дунайской армией. Был признан недостаточно решительным в руководстве войсками, отозван с поля военных действий и сослан султаном на о. Лемнос, затем Родос. Умер в феврале 1885 г. в Метели (Лесбос).

Город Систово довольно большой; в нем считали до 20 тысяч жителей, но в настоящее время, с выселением турок, в нем можно считать не более половины прежнего числа жителей. Он построен по типу всех восточных городов, с кривыми и узкими улицами, расположенными в гористой местности, по-видимому, без всякой планировки. Дома большею частью на улице обращены глухими стенами, так что вы проходите по улице, как будто между двумя каменными стенами. Случается, что дом выдвигается на улицу своим углом и заграждает проезд. В настоящее время турецкий город имеет тем более мрачный вид, что турецкие дома представляют картину страшного разрушения. Стекла выбиты, двери разломаны; около них по улице разбросана масса различной рухляди, которая, очевидно, не понадобилась не только своим хозяевам, но и тем лицам, которые не прочь в таких случаях воспользоваться чужою собственностью. Я захожу в несколько турецких домов. В них все разбросано в страшном беспорядке, впрочем, кроме бесценной домашней утвари и старой одежды почти ничего не встречается. По полу валяются листки турецких молитв, напечатанных на особых длинных бумажках, и книжки Корана, как последнее воспоминание о господстве ислама; говорят, турки при оставлении города успели забрать почти все свои ценные вещи; все оставшееся досталось болгарам, которые теперь хозяйничают в турецких домах лучше, чем в своих собственных, когда здесь еще были турки.

Батарей в Систове, которая так упорно держалась против наших орудий, расположена на пригорке и имеет пять амбразур, из которых только две позволяли стрелять на переправу. Говорят, этой батареей во время сражения управлял английский офицер, чем и можно объяснить меткость стрельбы из орудий, не свойственную турецким артиллеристам. Вся местность около батарей изрыта русскими гранатами; последние сыпались, как видно, около самих орудий, но, по мягкости грунта, не могли разрываться. Болгары рассказывают, что последний удачный с нашей стороны выстрел попал в самое жерло пушки и заклепал ее; затем вскоре другая граната разорвалась около самого орудия и убила четыре человека прислуги.

В Систове теперь уже введено болгарское самоуправление под верховной властью русских. Болгары имеют свой муниципалитет (замещающий нашу думу), в распоряжении которого находится все хозяйство города; роль судейской власти исполняет трибунал или совет, состоящий из нескольких судей, и, наконец, административный совет, нечто вроде нашего губернского правления, в обязанности которого входит управление целым уездом. Со стороны русской военной власти в городе находится комендант.

В настоящее время в Систове не осталось ни одного турка. Все они бежали в первый же день переправы русских войск, еще до вступления последних в город; турок не только нет в Систове, но и во всей окружающей местности. Я уже сообщал вам, что турки, оставляя свои жилища, вспомнили свои прошлогодние зверства и начали снова резать болгар. Сегодня в наш госпиталь принесли две несчастные жертвы турецкой злобы. Один болгарин, человек лет 50, с здоровым телосложением, житель деревни Дяков, находящейся в расстоянии трех часов пути отсюда. Жена его рассказывает, что когда черкесы, жившие в деревне, услышали о переходе русских через Дунай, они тотчас поспешно забрали свое имущество и, вместе со своими семьями, переселились внутрь страны; затем, 21 числа, снова явились в свою деревню и начали грабить жителей. Последние в ужасе разбежались по лесам. На ее дом накинута десять черкесов. Они прежде схватили ее и начали сильно бить, требуя от нее денег; затем набросились на ее

мужа, отняли у него 500 лир – все состояние, какое они имели – и нанесли ему раны в голову, в спину и в руки сабельными ударами. Когда болгарина принесли к нам, он уже был в бессознательном состоянии. Череп его оказался пробитым в трех местах вплоть до самого мозга. Два часа спустя, болгарин умер в нашем госпитале. Несчастливая жена его осталась теперь с тремя сыновьями (старшему 20 лет, среднему 14 и младшему 10 лет), без куска хлеба и без копейки денег. С горя она все три дня ничего не ела и у нас отказалась от пищи, которую ей предложили. У гроба своего мужа, на паперти здешней болгарской церкви, она теперь всю ночь оплакивает свою участь. Другая жертва черкесского варварства – молодой болгарин, Атанас Ангелов, житель деревни Лужицы, в 25 верстах отсюда, по дороге к Никополю. В воскресенье, 20 числа, он пас волов в поле. Явились три черкеса, отняли у него волов и сделали по нем два ружейных выстрела. Одна пуля прошла в живот и остановилась сзади под кожей; она была вынута нами тотчас по прибытии его в наш госпиталь; другая пуля ударила в спину и повредила позвоночный столб, вследствие чего парализовалась вся нижняя половина туловища. Надежд на выздоровление никаких. Этот последний оставит после себя молодую жену. Сегодня Государь Император со всем двором посетил этих болгар. Между прочим, подошедши к умершему Нистурову (он скончался за несколько минут до прибытия Государя), Его Величество обратился к английскому агенту со словами: «Вот что делают ваши друзья; je vous prie d'admirer». Английский агент хладнокровно взглянул на обезображенный труп, но он, должно быть, не был вполне убежден, что турки способны на такие зверства, так как, после ухода Государя, он спросил окружающих: есть ли свидетели, что это дело черкесов? Ему сказали, что это видели наши офицеры. Тогда представитель Великобритании с обычною важностью отвернулся и совершенно спокойно начал разговор с одним из придворных о посторонних предметах.

Сегодня же мы имели возможность видеть 36 военнопленных турок – 20 черкесов и башибузуков, остальные из низама. Некоторые башибузуки действительно имеют замечательно зверские физиономии, между ними встречаются старики лет под 60, но все они без исключения страшно оборваны. У многих из них, кроме изодранной рубахи и штанов в лохмотьях, ничего другого нет; у одного прямо на голое тело накинута русская солдатская полукафта, безобразно подпоясанный грязным широким кушаком; голова повязана чалмой. Между тем низам одет более или менее прилично. На каждом короткая синяя куртка и такого же цвета шаровары; на ногах легкие кожаные ботинки, а на голове красная феска с синей кисточкой. Государь со многими из пленных лично разговаривал через переводчика, спрашивал о их службе и о их состоянии. Оказалось, что они уже 23 месяца не получали жалованья и все время жили впроголодь, большею частью питаются фуражировками и мародерством. Здешним положение военнопленных они очень довольны, так как они сыты и встретили со стороны русских очень мягкое обращение. В конце концов, Государь пожелал им всем здоровья, на что турки ответили, что они теперь отдают свою судьбу в руки императора и желали бы чем-нибудь послужить ему в России, а теперь молят Бога о даровании победы нашему Государю над врагами.

Здесь известно, что нашими казаками уже занято Тырново; говорят, турки оставили всю местность отсюда до Балкан, но уже успели перерезать до 300 болгар. Главная квартира переносится отсюда.

САНИТАР.

СЕВЕРНЫЙ ВЕСТНИК 5

26.09.1877 № 148. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОИНЫ

1. РУССКИЕ.

С. Горный Студень, 7-го сентября. (Корреспонденция «Северного Вестника»). В прошлом письме я обещал вам написать о раненых под Плевной и о деятельности врачей во время штурма. Сегодня постараюсь исполнить мое обещание. Прежде всего, надо вам сказать, что в деле под Плевной, благодаря особой распорядительности военно-медицинской инспекции, участвовали почти все лучшие силы медицинской помощи, имеющиеся на театре войны. Кроме пяти дивизионных лазаретов (2-й, 5-й, 16-й, 30-й и 31-й дивизий), составлявших перевязочные пункты, под Плевну были приглашены многие из профессоров, между которыми я могу перечислить: проф. Бергмана из Дерпта, проф. Грубе из Харькова⁴⁹, проф. Левшина из Казани⁵⁰, проф. Корженевского и Пелехина⁵¹ из Петербурга. При некоторых из профессоров, кроме того, состоял особый врачебный персонал из врачей, студентов и сестер милосердия. Затем несколько врачей было специально послано из военно-медицинского управления. Под Плевной также участвовала помощь от Красного Креста, в числе нескольких врачей, не менее 10 студентов и около 20 сестер милосердия. Это еще не весь персонал. Не сочтены еще врачи и фельдшера, состоящие при полках. Весь этот громадный состав медицинского персонала был распределен перед началом сражения по означенным дивизионным лазаретам, которые были размещены по пунктам, наивозможно ближайшим к своим частям войск. Это организация медицинской помощи составила целую систему перевязочных пунктов, которые своевременно все были готовы к приему раненых. С перевязочных пунктов раненые должны были транспортироваться в ближайший военно-временной госпиталь, в Булгарени, для заведывания которым приглашен был проф. Склифосовский⁵². Несмотря на эти капитальные приготовления к помощи раненым, не оставляющие желать ничего лучшего, как вы увидите ниже, врачебных сил оказалось не вполне достаточно в виду того количества раненых, какое нас ожидало под Плевной – обстоятельство неустраняемое на войне, где никакой расчет не может быть верным.

⁴⁹ Грубе Вильгельм Федорович (1827-1898) – прекрасный хирург и опытный практик. Окончил Дерптский университет и в 1850 г. и до 1859 г. был морским врачом в Кронштадте, с 1859 г. – избран ординарным профессором по кафедре хирургии в Харькове. Основная работа «О современном клиническом преподавании хирургии» и др. (Большая энциклопедия под редакцией С.Н. Юшакова, СПб., 1903, Т.7.- с. 640)

⁵⁰ Левшин Лев Львович (1842-1911) – хирург. Окончил ИВМА в 1866 г. и был ассистентом у профессора Китера. В 1870 г. защитил докторскую диссертацию. С 1874 г. – профессор кафедры общей хирургии в Казани. В 1877-1878 гг. на фронте русско-турецкой войны. С 1893 г. – профессор госпитальной клиники в Москве, где им был основан раковый институт, директором которого он был до момента кончины в 1911 г. Из научно-практических работ следует отметить введение антисептики еще в 70-х годах 19 в. Был соредактором журнала «Русская хирургия».

⁵¹ Пелехин Павел Петрович (1842-1917). Окончил МХА в 1863 г. с золотой медалью и именной премией академика И.Ф. Буша. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию. С 1868 г. – по 1889 гг. – профессор кафедры хирургической патологии и терапии ИВМА. С июля по ноябрь 1877 г. принимал активное участие в оказании хирургической помощи раненым на театре русско-турецкой войны. Во многом благодаря усилиям П.П. Пелехина антисептика получила широкое распространение в России раньше, чем во Франции и Германии и даже на родине Джозефа Листера – в Англии. // Профессора Военно-медицинской (медико-хирургической) академии, СПб., 1998, с. 157.

⁵² Склифосовский Николай Васильевич (1836-1904) – российский хирург. Труды по хирургии брюшной полости и военно-полевой хирургии. Способствовал внедрению в хирургию принципов асептики и антисептики.

Я по преимуществу займусь своим перевязочным пунктом. Мы, т.е. весь наш санитарный отряд, состоящий из одного врача и семи студентов, был прикомандирован к лазарету 16-й дивизии. Здесь же находился и проф. Бергман, с тремя врачами, одной студенткой и одиннадцатью сестрами милосердия. В самом дивизионном лазарете находилось 5 врачей, несколько фельдшеров и санитаров. Врачебных сил было достаточно много, перевязочный запас также громадный. Сначала наш дивизионный лазарет расположился в трех верстах от Тученицы, где принимал раненых в период бомбардировки. Хотя первые раненые были все по преимуществу гранатными повреждениями, но они прибывали на перевязочный пункт в небольшом количестве, так что с ними было легко справиться. Всех раненых в период с 25 по 29 августа прошло через наш перевязочный пункт не более 200. После занятия радищевских высот наш перевязочный пункт передвинулся к самой деревне Тученице и расположился саженях в ста от нее. Ко дню штурма все в нашем лазарете было уже приготовлено для принятия большого количества раненых, т.е. выставлены на вид все перевязочные средства, чтоб иметь их всегда под рукой, а не бегать за ними, и вперед были распределены занятия для всех лиц, чтоб не было во время дела путаницы и сованья. Оставалось только ждать трех часов, когда предназначалась общая атака. С утра все заслушались сильнейшей канонады, которая подобно гигантскому молоту, стучащему по наковальне, заставляла содрогаться при каждом ударе, пока вдруг с 11-ти часов, вместо назначенных трех, началась страшная ружейная перестрелка. Залпы слышались настолько часто, что, кажется, сливались между собою и производили такую трескотню, что никакие нервы в мире не были бы в состоянии переносить ее спокойно. Не успели мы опомниться, как к нам уже начали прибывать фуры с ранеными, одна за другой. Все быстро поднялись на работу в должном порядке. Но затем еще и транспорты с ранеными, которые подвозились непрерывно. К вечеру уже собралось на нашем перевязочном пункте около 2 тыс. раненых. Сначала руки было опуститься, но затем все энергически принялись за работу. Прежде всего, надо было дать раненым помещение. День был, к несчастью, сырой, дождливый; кругом наших палаток грязь стояла непролазная. В палатки, разумеется, немислимо было поместить всех раненых, а под дождем оставлять – и того менее. Мы и то принуждены были напихать в палатки постольку больных, поскольку в другое время ни в каком случае невозможно было поместить. В нашем распоряжении существовало только 5 дивизионных палаток и 2 рыжовских, всего, стало быть 7, которые все вместе могли вместить в обыкновенное время не более 200 раненых, считая по 25-30 человек на палатку; а тут поневоле пришлось поместить около 100 человек на палатку. Больные должны были лежать в свалку; не оставалось свободного пространства не только для прохода слуги врачей к раненым, но, можно сказать в буквальном смысле, яблока некуда было уронить – и все-таки эти раненые были в счастливейшем положении, чем те, которым не было места в палатке. Для последних пришлось утилизировать все, что возможно. Стоящие фургоны и телеги, на которых были привезены раненые, все были набиты битком; из виксатиновых крыш двух рыжовских палаток, которые были расставлены с ординарной холщевой крышей, устроили навес, под которым поместилось более сотни раненых, и все-таки около тысячи раненых должны были оставаться под открытым небом. Все пространство от нашего лазарета вплоть до деревни было устлано ранеными. Для них была положена только солома. Но вы представьте весь ужас положения и врача, которому приходится быть бесполезным в данном случае, и раненых, которым приходится лежать во время холодной ночи

на грязной земле, слегка покрытой соломой, почти без всякого покрова (благо у кого есть шинель или сюртук, а другой оставил на поле сражения последнюю сорочку). А тут еще дождь хлещет чуть не ливнем, вы ходите кругом больных с фонарем, как шальной, шатаясь из стороны в сторону по непролазной грязи и не знаете, что делать. Один скрежещет зубами, другого бьет сильная лихорадка и он с силой стискивает челюсти. Кругом вас стон и крик от голода (многие раненые оказались три дня ничего не евшими), холода и ран. Один кричит: «я ничего не ел, как вышли на позиции, дайте хотя кусочек хлеба», а другой кричит – «оденьте хотя чем-нибудь, я лежу совсем нагим, на мне и сорочки нет»; третий кричит – «выньте пулю, которая меня сильно мучит»; четвертый – «кровь течет», пятый – «питье несите скорее». В одном конце вы слышите просьбу убрать поскорее труп товарища, который только что на глазах всех скончался в страшных мучениях; в другом конце вы слышите молитву к Всевышнему о ниспослании скорейшей смерти, в третьем конце всхлипывания и рыдания. Сердце разрывается на части при виде этой ужасной картины. Подбегаешь к одному, к другому, к третьему, забываешь всякий отдых, делаешь все, что можешь, и все-таки чувствуешь себя бессильным уменьшить страдания несчастных хоть на половину, что приводит человека в крайнее раздражение. Пусть те, кто более всех настаивали на войне и кричали о ней из своих кабинетов, придут сюда и взглянут на эти тысячи несчастных. Которые с замечательной покорностью судьбе, без всякого ропота и упреков кому-либо, переносят адские муки (а многие ли из них понимают, за что они терпят страдают и мучаются!) Пусть послушают они этот стон, разрывающий душу, этот предсмертный лепет и последний вздох, вызывающий слезы на глазах у самого крепкого человека! Неужели у них не содрогнется сердце, не заслезятся глаза при виде умирающего, который просит только не оставить без присмотра, без помощи, его жену и малолетних детей, забывая себя и свою участь! Или вот посмотрите на этого несчастного, у которого обнажилась часть мозгов от удара осколком гранаты в голову: в бессознательном состоянии он поднимает руку к своей голове и выпарывает свои собственные мозги. Невольно с ужасом отворачиваешься от этой картины.

В то время как раненые с грехом пополам размещались, где было возможно, немедленно приходилось приступать к перевязкам. В этой массе раненых, прежде всего, необходимо ориентироваться: у одних сильное кровотечение – им нужна перевязка безотлагательно; другому необходима немедленная ампутация – его тотчас же на операционный стол; остальные могут пока подождать. Но вы представьте трудности, как ориентироваться среди раненых, так и делать перевязки, когда между больными нет места, чтобы пройти, а приходится шагать через головы их. А тут еще каждый раненый кричит «перевяжите мне, перевяжите мне». Весь день и всю ночь напролет пришлось поработать, не зная ни отдыха, ни сна (не было возможности, что называется, куска хлеба перекусить). Постоянно переходя от одного раненого к другому, ноги до того устали, что положительно отказывались двигаться, руки занятые постоянно перевязками, отказывались работать, а голова в крайнем напряжении – все рисуются ужасные страдания того или иного раненого. А к утру подоспели новые фуры с ранеными. На следующий день пришлось еще около тысячи раненых. Работы, стало быть, увеличилось. Пришлось призвать на помощь все свои силы. К счастью для больных на следующий день выступило солнце и их свободно можно было помещать на открытом воздухе. Всех раненых через наш перевязочный пункт прошло около 3-х тыс. Благодаря неумолимости и усердию всего врачебного персонала, присутствовавшего на

нашем перевязочном пункте, в три дня все раненые были транспортированы в букарештский госпиталь в самом лучшем виде. Все случаи для ампутаций были оперированы; все случаи для гипсования были загипсованы. На всех были наложены лучшие повязки благодаря богатству хорошего перевязочного материала, имевшегося в большом запасе, как у проф. Бергмана, так и у г. Рыжова.

(Окончание завтра).

САНИТАР.

27.09.1877 № 149. ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОИНЫ

1. РУССКИЕ.

Горный Студень, 8 сентября. (Корреспонденция «Северного Вестника»). 2 числа, совсем освободившись от раненых, мы воспользовались свободным временем, чтобы отправиться осмотреть позиции. Мы начали с нашего правого фланга. Сначала подъехали к одной нашей осадной батарее, расположенной немного левее деревни Гривицы. Здесь все застали в самом спокойном виде. Пять стоящих орудий молчали; некоторые из солдат тут же спали около ложементов, вероятно чувствуя себя в полной безопасности, и действительно турки в последнее время почти перестали отвечать нашим (у них, говорят, недостача в снарядах), да и турецкие пушки не достигают до нашей осадной батареи. С редута, на котором мы стояли, хорошо видны неприятельские позиции. Ближе вправо по долине располагалась деревня Гривица. Тотчас за ней на гребне виден занятый нами 30 августа турецкий редут; дальше за ним остаются еще турецкие редуты и за всем тем расположен в центре всей неприятельской дистанции турецкий укрепленный лагерь, окруженный высоким земляным валом, из амбразур которого высматривают жерла тяжелых орудий; но они давно уже безмолвны. Пять орудий нашей осадной артиллерии, которые в то время тоже молчали, направлены против всех доступных глазу турецких укреплений. Самого города Плевны с батареи не видать. Когда мы въехали на другую нашу осадную батарею, расположенную на радишевских высотах (по счету справа, это будет третья осадная батарея, потому что одну, расположенную между Гривицей и Радишевым, мы пропустили) перед нами расстилалась широкая долина реки Вида, покрытая кукурузой и виноградниками. По ней цепью были расположены наши аванпостные войска. За этой долиной возвышался неприятельский редут (радишевский), за которым расположен там же укрепленный турецкий лагерь; все гривичские позиции оставались далеко вправо. Долина по реке протягивается, до самого города, который отлично виден в особенности во время ясного дня, когда его многочисленные минареты сверкают яркими лучами солнца. Я посмотрел на город глазами крестоносца, имеющего перед собой Иерусалим. Город расположен между горами и очевидно обладает красивейшим местоположением. Для нас была доступна только та часть его, которая выдвигалась из-за гор. Белые каменные здания и две мечети можно было разглядеть с ясностью в подзорную трубу. Затем хорошо виден плес реки, по одну сторону которой стоит гор. Плевна; по другую ее сторону раскинуты холмы и гребни, на которых турки настроили такие же редуты и все пригорки усыпали ложементами, как и здесь, на фронтовых позициях, так что взятие города с тылу доставило бы не менее хлопот, чем с фронта. В то время, когда мы въехали на нашу третью осадную батарею, на ней не было тихо. Наши орудия обстреливали самый город, так как накануне болгары донесли нашим, что в одной из турецких мечетей турки сложили громадный запас пороха.

Все намерения наших заключались в том, чтобы сбить эту мечеть и уничтожить пороховой погреб. Командир батареи по этому случаю обещал два золотых тому наводчику, которому удастся попасть в указанную мечеть. Началась стрельба поочередно из каждого орудия. Снаряды ложились весьма близко от цели, то вправо, то влево, что разжигало сильнее нетерпение наводчиков. Одним снарядом даже удалось произвести пожар вблизи мечети, но пока все усилия наводчиков орудий, страстно желавших получить приз в два золотых, оставались бесплодными. Мы не могли дожидаться конца бомбардировки, так как уже стало смеркаться и нужно было поторопиться домой, но они, наверное, сшибут мечеть, так как уже настолько пристрелялись, что орудия переставлять приходилось на какие-нибудь пол-линии.

Но этой батарее на меня произвело глубокое впечатление еще одно обстоятельство – это вид наших убитых на самом поле сражения. Один артиллерийский офицер навел для меня подзорную трубу на пригорок, по которому во время бывшего сражения проходили наши полки для взятия сильнейшего радишевского редута. Вы знаете, вероятно, что эта неудачная для нас атака радишевского редута стоила всего больше потерь; считают, что здесь убитыми и ранеными вместе мы потеряли более 5 т. человек. Когда я взглянул в подзорную трубу, я увидел картину, которая производила подавляющее впечатление, но такой силы, что его трудно передать словами. Все поле, имеющее форму лобного места, было усеяно трупами наших солдат. Вы ясно различаете даже положение и одежду. Один лежит навзничь с разбросанными в стороны руками, другой – сильно согнувшись, повернулся на бок и в таком виде уснул вечным сном... третий... вы встревожены и изумлены – поднимает кверху правую руку, затем голову, стараясь, как видно, приподняться но, в бессилии снова падает на землю. Это оказывается наш раненый. Их, говорят, между трупами осталось много, но мне не удалось заметить между другими лежащими на поле какого-либо движения: может быть, они уже умерли. Когда видишь эту печальную картину поля сражения, так и рисуется в твоём воображении вся битва от начала до конца. Вот подходят наши полки к неприятельскому редуту, откуда их встречают целыми тучами пуль, а они идут вперед, теряя один ряд за другим и не имея права уже пустить в отместку ни одного выстрела неприятелю. Вот от полка уже осталось не более батальона, вот, наконец, и последняя рота гибнет пред самым редутом, который она считала уже для себя достигнутой целью. На подкрепление первого полка выступает другой. Но, увы! И с ним та же участь... и, наконец, после смерти нескольких тысяч (вы подумайте – нескольких тысяч!!), благоразумие составляет предел этой бесчеловечной бойне, прекращая бесполезную атаку редута. Всю эту картину в живых лицах вы видите здесь на поле сражения, усеянном костями. Не нужно никакого описания, никаких рассказов. Эта печальная картина поля сражения еще долго вероятно будет терзать воображение наблюдателя и передавать ему все ужасы бывшего сражения, так как уборка трупов и раненых до сих пор оказывается невозможной. Несколько раз наши посылали туда своих санитаров, но турки открывали по ним огонь с своего редута, вследствие чего два наших санитаров были убиты, а третий ранен. Наконец наши посылали в турецкий лагерь своего парламентаря с специальной целью выговорить позволение – убрать трупы и раненых – но получили отказ. Никакие убеждения не могли повлиять на турок. Ни указание на заражение воздуха разлагающимися трупами, ни то обстоятельство, что подобная же участь принадлежит одинаково как нашим раненым, так и турецким – не могло склонить турок к человечности.

Их ответ передают в нескольких словах: «пускай трупы сгниют, раненые гибнут». До каких пор еще будут терпеть турок на европейском материке, – неужели чаша еще не переполнилась?

Когда мы уезжали с позиций, начало уже смеркаться, но огонь с наших батарей не утихал; напротив, он начал учащаться. Наконец все наши батареи приняли участие в перестрелке, и турки стали отвечать с своей стороны. – Страшный грохот орудий, повторяемый каждый раз горным эхо, слился в какой-то гул, затем послышалась ружейная трескотня, весьма неприятная по своему звуку, – это, должно быть, наши аванпосты и цепь начали перестрелку с неприятелем. Но было уже темно, останавливаться не было времени, и мы поскорее постарались вернуться в Тученицу – откуда через день мы приехали в Горный Студень.

САНИТАР.

28.09.1877 № 150 ИЗВЕСТИЯ С ТЕАТРА ВОЙНЫ

1. РУССКИЕ.

Горный Студень, 9 сентября. (Корреспонденция «Северного Вестника»). Сегодня мне привелось здесь случайно видеть интересную картинку полевого суда во время процесса. Взвод солдат окружает площадку, посередине которой поставлены два простых стола для суда и для прокурора. Когда я подошел, обвиняли одного солдата магометанина из Симбирской губернии за перебег на сторону неприятеля во время дела под Ловчей и за передачу туркам имеющихся при нем патронов и оружия. Со взятием нами Ловчи он попался в числе военнопленных и призван на скамью подсудимых. Обвиняемый представлял весьма жалкий вид. Вследствие продолжительной лихорадки он был до того изнурен и обессилен, что не был в состоянии держаться на ногах. После вопросов председателя и обвинительной речи прокурора, которая отличалась особенной строгостью, военный суд ушел для совещания в палату. Через несколько минут судьями был вынесен приговор о наказании смертной казнью через повешение. Приговор должен быть еще утвержден главнокомандующим. Вы не представляйте себе суд при той публике, какая напр., у нас в Петербурге. Такой строгий приговор здесь, по-видимому, ни на кого не произвел сколько-нибудь сильного впечатления.

Наши собственные дела уже приходят к концу. Существование нашего санитарного отряда продолжалось около четырех месяцев, тогда как он рассчитан был всего на три; к тому же весь наш перевязочный материал истрачен в последнем деле под Плевной; все же оставшееся придется раздать по военным госпиталям. Считаю долгом от лица всех участвующих в нашем отряде высказать глубочайшую благодарность представителям здешнего военно-медицинского управления, которые всегда с живейшим участием относились к делам отрядам и много помогли нам в деле распределения помощи раненым, именно там, где в ней больше всего нуждались. Вообще наша частная помощь со стороны всех имеющих отношение к военно-медицинской части была принята с таким сочувствием, что все мы навсегда – остаемся им много обязаны и благодарны.

В заключение, возвращаясь с театра войны на родину, я считаю нужным еще высказать несколько общих впечатлений. К стыду моему я должен сознаться, что никогда не мог думать, чтобы мы были в состоянии привести свою армию в такой блестящий вид, что обратило своевременно внимание всей Европы. Вообще все, что мне ни приводилось здесь видеть, оказалось в лучшем порядке, чем я мог себе представить, живя в Петербурге. Начать с того, что каждый наш солдат при

хорошей обмундировке, снабжен всякой необходимой хозяйственной утварью, так что ему достаточно вырыть где-нибудь в поле печку и он уже становится полным хозяином на новом месте. Относительно продовольственной части также можно сказать, что она устроена более или менее удовлетворительно. Сухари везде я видел отличные, мясо и хлеб солдаты получают в достаточном количестве. Бывают, конечно, и исключения, но я говорю вообще. Затем, что касается другой стороны нашей армии – ее военной выправки и подготовленности – то в этом отношении не остается желать ничего лучшего. Все, разумеется, давно знают о тех подвигах, которые покрыли нашу молодую армию неувядаемой и вечной славой; но мне бы хотелось сказать несколько слов о характере и чертах нашего солдата. В этом отношении нигде так не выставляется душевная сторона боевого человека, как на перевязочном пункте, куда он является тотчас с поля сражения. Прежде всего, я должен обратить ваше внимание на одну приятную черту, которую мне удалось подметить среди наших солдат – это на истинно братские отношения их между собою. В трудные минуты, когда всем приходится быть при страшных невзгодах и когда обыкновенно преобладают эгоистические чувства самосохранения, наши солдаты все дружно переносят посылаемые на них Провидением тяготы: никогда между ними вы не увидите ни спору, ни желания обидеть другого в пользу себя. Товарищ у нашего солдата на первом плане; за него он часто идет в самый страшный ружейный огонь и нередко умирает сам, вырывая из рук неприятеля своего собрата. Во всех тех подвигах, которые прославили нашу армию, это чувство глубокой солидарности между собой играло всегда видную роль. Наблюдая в госпиталях, на перевязочном пункте, вы нередко наткнетесь на трогательную картину, когда умирающий в страшных мучениях солдат начинает бредить своим товарищем – «один не выходи... не открывай дороги, пойдем вместе... друг друга поддерживай...» слышите вы агонический лепет. «Ребята дружно сюда... нашего башибузука одолевает...» слышится с другой стороны... Обыкновенно первый вопрос солдата, когда его приносят на перевязочный пункт – это вопрос о своих товарищах, о своем полке: «ей, где-то мой полк, знать далеко уже ушел, мне уж видно не догнать его» – и солдат с оторванной рукой и с параличом нижних конечностей вследствие поранения в позвоночный столб умоляет врача поскорее вылечить ему ноги, чтобы он скорее мог догнать своих товарищей и снова идти с ними на поле сражения. «Да тебе братец без руки-то нельзя будет идти снова в дело», замечает врач. «Ничего, ваше б-дие, мне бы только ноги, а с одной-то рукой я еще справлюсь... не одного турка еще убью». Но вы никогда не можете себе представить той взаимной радости двух солдат-товарищей, когда они, по печальному стечению обстоятельств, встречаются на одном перевязочном пункте: тут они с истинно братской задушевностью передают друг другу различные подробности и эпизодов из своего участия в деле. «А славная брат это штука, ложементы: лежишь себе, только патроны набиваешь, а между тем подступу ему (неприятелю) не даешь», начал рассказывать один солдат своему товарищу, как видно в первый раз испытывавший прелесть ложементов во время дела 19-го числа (под Пелишатом) – «Да брат, славная штука», высказывается другой, побывавший в первый раз в деле; а если такой огонь бывает, так ничего, драться можно». – «Да это что за огонь! Турки, видишь, стрелять не умеют: положит себе ружье на локоть и жарит себе; ну, оно ружье-то хотя и аглицкое, за 2,000 шагов берет, а вреда-то мало приносит. А то бы что! Дай-ка нам такие ружья, у нас бы ни одного турка с места не ушло». И вот в этих суждениях друг с другом наши солдаты забывают свои тяжелые раны, свои страшные мучения.

А вот взгляните на плачущего раненого солдата, сидящего под кустиком на поле боя после сражения. Вы думаете он плачет, жалея себя? Нет! Глубоко ошибаетесь. Он печалится о том, что после получения раны был не в состоянии уже выручить своего товарища, который долго отбивался от трех турок и участь которого ему осталась неизвестной. Раз наткнетесь на такую сцену – и вы навсегда оставите в себе глубочайшее уважение к этим умирающим героям.

САНИТАР.

Из Горного Студеня «Новому времени» телеграфируют, от 25 сентября: «к Сулейману-паше прибыли подкрепления и транспорты хлеба. Сулейман ежедневно бывает на боевых позициях и готовится к новым атакам. Болезни и дезертирства ослабляют его армию. На Шипке выпал снег, но охрана ее обеспечена вполне. Для нашей армии делаются большие приготовления. В губерниях Систовской и Тырновской заготавливаются на зиму 100 000 четв. ржи и пшеницы для войск. Овса заготовлено тоже значительное количество. Запас сена 300 000 пудов, покупаемых у населения. В Габрове, Тырнове и Систове заказано 12 000 полушубков для болгарского ополчения».

«Голосу» пишут оттуда же: «Турки в Добрудже, как и за Балканами, казнят болгар за сочувствие к нам. Так, говорят, было и в Мангалии. Небольшой наш отряд, состоявший из четырех сотен при двух орудиях, под начальством флигель-адъютанта ротмистра Милютина, сына военного министра, был послан в Мангалию с поручением, между прочим, ввести там гражданское управление. Надо заметить, что Мангалия отстоит от Бюкмуштафлара, где тогда были расположены наши главные силы, верст на 60, а Базарджик, где стоят турки, находится в 30-ти верстах от Мангалии. Отряд исполнил поручение; но едва он удалился, как явились орды башибузуков, схватили вновь поставленных управителей из болгар, мучили их, истязали, и, в конце концов, сожгли, приговаривая: «вот вам, собаки, русское управление!».